

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА: ОТ ОБРАЗА – К ЖИЗНИ

ГУСЕЛЫЦЕВА М.А. (Российская Федерация)

Copyright © 2013

Проблемы творчества, фантазии и познания выступили начальным периодом на пути становления В.А. Роменца. Итогом развития этого периода явились две монографии и целый ряд статей. В основу монографии [4] легли материалы как незащищенной, так и защищенной автором кандидатских диссертаций, о чем можно судить на основе сопоставления структуры ее текста с текстами обозначенных авторефератов [2; 5].

Феномен познания В.А. Роменец рассматривал как “живой творческий процесс”, а смысл фантазии видел в преодолении одностороннего эмпирического взгляда на мир. Лейтмотивом исследования стало выявление специфики фантазии в качестве психологического процесса, а также недостаточная разработанность в предшествующей литературе отличий фантазии от мышления. Изучая “гносеологическую природу фантазии”, автор изучил взгляды на фантазию в философских системах древнего мира, представления о фантазии, сложившиеся в новое время и нашедшие отражение прежде всего в идеалистической философии (И. Маас, И. Фихте, Г. Майстер), а также реконструировал историю изучения фантазии и воображения в качестве познавательных процессов. Согласно В.А. Роменцу, различие между мышлением и фантазией заключается не только в их конечных целях, но и в мотивации. “Фантазия более чем другой психический процесс создает иллюзию независимости психики человека от объективной действительности” [5, с.4]. Продуктом фантазии становятся чувственные, наглядные и осмысленные образы, а ее специфика заключается вовсе не в соотношении чувственных и рациональных моментов, а в особой индивидуализации познавательного опыта, в его оригинальности и неповторимости. “Действие принципа индивидуализации заключается в том, что в фантазии создается образ, отражающий объективные качества предмета в их чувственной самобытности и неповторимости” [5, с.3].

Обращаясь к анализу становления фантазии в качестве познавательной способности, В.А. Роменец прослеживает рождение фантазии из действия [5]. Не подражание (как в концепции А. Валлона), а игра выступает для В.А. Роменца в качестве переходной формы между перцептивными и творческими действиями. Именно игра позволяет воображению совершить отрыв от перцептивного поля, сотворить особые реальности, в ней происходит конструирование мира. Игра выступает специфической формой человеческой деятельности, а не только определенным этапом в онтогенезе, она же является способом моделирования действительности, становится основой научного и художественного творчества. “Игра предполагает высокие способности переноса одних функций предметов на другие. В ней человек раздваивает предмет игры на вещь и ее воображаемое значение. Происходит взаимное проникновение действительного переживания и фантазии” [5, с.5]. Важной идеей здесь становится активный и действенный характер познавательного процесса. “Человек жаждет полностью истины в частности и в том смысле, что он хочет воспринимать ее не только умозрительно, но и всем своим существом. Чтоб достичь такого состояния нужно преодолеть чисто созерцательное отношение к действительности, стать активным участником происходящих в ней событий” [5, с.5]. Иллюстрируя изложенную идею, В.А. Роменец обращается к “методу физического действия” К.Д. Станиславского, благодаря которому именно через действие удается проникнуть во внутренний мир того или иного героя. Рассматривая феномен игры сквозь призму информационного подхода, ученый отмечает, что игра в кибернетической трактовке создает обобщенный образ действия и тем самым позволяет преодолеть неполноту информации, поиск оптимальных стратегий. Таким образом игра, по мысли В.А. Роменца, выступает своеобразной лабораторией творческого действия. Нельзя не заметить, что характерным исследовательским почерком В.А. Роменца является когнитивная сложность и многоаспектность интерпретации изучаемого феномена, что само по себе является приметой постнеклассического научного стиля.

В формировании познавательно-творческих приемов фантазии В.А. Роменец более четко выделил три последовательных этапа: абстрактный замысел – импровизация – конкретный замысел. Всякое творчество восходит к абстрактному замыслу, однако последнему не хватает эмпирического материала. И возникший кризис развития побуждает перейти к следующему этапу, на котором поиски необходимого материала ведутся в форме импровизации. Внутренняя структура импровизации представляет собой сложное и динамичное образование (и мы можем только гадать был ли В.А. Роменец знаком в то время с работами В. Гумбольдта и Г.Г. Шпета, посвященными проблематике внутренней формы слова и произведения искусства или же такой диалог является реконструкцией интерпретаторов его научного наследия): “многоаспектные первоначальные поиски элементов образа и связей между ними” в конце концов завершаются установлением идейной направленности образа, далее следует синтез разнообразных вариантов импровизации, на основе которого возникает уже вполне конкретный замысел, в свою очередь, позволяющий построить “творческие образные модели действительности” [5, с.7]. Конструируя упрощенные модели действительности, творец совершает определенный отлет от нее и, как правило, жертвует богатством несущественных, но тем не менее жизненных связей. “Однако, общее, схема не могут полностью удовлетворить познавательные интересы человека: он даже пытается проникнуть в индивидуализированную суть предмета. Эти попытки становятся основным содержанием процесса становления мечты” [5, с.8]. И В.А. Роменец обращается к изучению генезиса мечты, выделяя в ее развитии: романтическую форму (стремление, характеризующееся отвлеченностью и динамикой от чувственного представления к символическому), грезы, которые постепенно приближают человека к реальности, выбор определенной жизненной цели, постановку адекватных для ее воплощения текущих задач и, наконец, реализацию мечты в форме поступка, произведения или творческого действия. Таким образом, автор прослеживает развитие

фантазии от становления структурных связей в ее первоначальных образах до возникновения мотивированной фантазии, требующей действительного вмешательства в действительность. Можем ли мы сегодня на этом основании выискивать в наследии В.А. Роменца конструктивистские устремления или подобного рода занятие окажется приписыванием автору идей, о которых тот даже не подозревал? Чтобы мягко избежать дилеммы нами же поставленного вопроса, обратимся к паллиативу, признав, что вся психология советской эпохи носила конструктивистский оттенок, и это являлось ее творческим стилем, если не интеллектуальным, то общекультурным.

Важно отметить, что фантазия в представлении В.А. Роменца выступала не только особой формой творческого познания действительности, не только обладала мотивирующей силой к ее преобразованию, но и служила мостиком для перехода отвлеченного и теоретического содержания в конкретное и практическое воплощение. Именно последняя особенность фантазии в качестве посредника между абстрактным и конкретным, воображаемым и реализованным несет не просто теоретический, но и методологический смысл, позволяя разрешить одно из противоречий современной психологии – очевидный разрыв между ее теорией и практикой.

Среди экспериментальных приемов фантазии автор выделил: гиперболизацию, аналогию, идеализацию. “Совокупность приемов фантазии составляет одну из основ творческого метода в той или иной науке” [5, с.10]. В творческом процессе взаимодействуют две функции фантазии (диалектические сочетающие единство и противоположность): с одной стороны, совершается отрыв от чувственной данности ситуации и преодоление узости перцептивного поля, с другой стороны, наблюдается возвращение к предметной чувственности и индивидуализированной конкретности творчества. “В развитых формах творческой фантазии успешно преодолевается как узость и тяжеловесность эмпиризма, так и неудержимость полета оторвавшейся от реальности базы отвлеченности” [5, с.11]. Важна также эвристическая, аксиологическая и конструирующая функция познания, которое “выражает не только то, что есть, но и то, что должно быть” [там же, с.12]. Фантазия становится механизмом не только интеллектуального развития, но и развития личности: в экспериментальных приемах фантазии формируется творческая личность. (И здесь особенно чувствуется идеологическую близость В.А. Роменца и С.Л. Рубинштейна [6]).

На наш взгляд, обращение В.А. Роменца к теме фантазии и творчества является неслучайным, поскольку данная проблематика определялась особой интеллектуальной традицией украинской психологии, связанной с именами А.А. Потебни, Д.Н. Овсянико-Куликовского, харьковский школы исследований творчества как междисциплинарного объединения ученых вокруг издаваемого Б.А. Лезиным тематического сборника “Вопросы теории и психологии творчества” (1907-1923). Важно также подчеркнуть в качестве особенности именно украинской интеллектуальной традиции вплетение темы творчества в проблематику изучения языка, переживания и обращение к междисциплинарному культурно-историческому контексту [1].

Если психология творчества явилась истоком исследовательской деятельности В.А. Роменца, а культурно-исторический контекст служил неизменным исследовательским горизонтом, сопровождавшим все его основные труды, то магистральной линией научной биографии выступила все-таки психология поступка. Заметим при этом, что тема психологии творчества в психологии поступка не завершилась, а перешла на иной уровень анализа, предполагающий обозрение истории всемирной психологии как интеллектуальной культуры и хранилища разнообразных творческих подходов и приемов исследования психики. Поставив перед собой на новом исследовательском выраже цель – обнаружить единство предмета психологии и принципов становления историко-психологического знания, – В.А. Роменец намеревался, “пользуясь соответствующей методологией, разработать на научной основе в связи с психологией творчества принципы изложения историко-психологического материала, которые способствовали бы осознанию не только их познавательного значения, но и стали бы инструментом формирования творческой личности психолога, ученого, преподавателя, практика” [3, с. 3]. Таким образом психология творчества вливалась в психологию поступка, и оба эти потока двигались в направлении разработки канонической психологии.

1. Гусельцева М.С. Культурно-історичний підхід В.А. Роменця: ідея культури і ідеї в культурі / М.С. Гусельцева // Психологія і суспільство. – 2011. – № 2. – С. 92–105.

2. Роменец В.А. Особенности юношеской фантазии в процессе поэтического отражения действительности: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук (по психологии). Научный руководитель – профессор А.Н. Раевский / В. А. Роменец / Киевский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. – К., 1960. – 16 с.

3. Роменец В.А. Предмет и принципы историко-психологического исследования: Дис. в форме научного доклада... док-ра психол. наук / В.А. Роменец. – К., 1989. – 42 с.

4. Роменец В.А. Психологія творчості: навч. посіб./ В.А. Роменець. – 3-е вид. – К.:Либідь, 2004. – 288 с.

5. Роменец В.А. Творческая фантазия и познавательный процесс: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук / В. А. Роменец / АН УССР. Секция обществ. наук. – К., 1964. – 12 с.

6. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности / С.Л. Рубинштейн // Вопр. философии. – 1989. – № 4. – С. 88-96.